

T. P. Slesareva
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: slestp@yandex.ru

**Belarusian language elements in the Russian translation
of Vladimir Korotkevich's novel "Black castle Olshansky": semantics and functioning**

Key words: belorusizm, the Russian-language text, semantic features, translation, matching.

When translating literary texts, the translator tries to convey the national color with the help of linguistic means to describe the linguistic concepts of a particular culture vividly. The article deals with the Belarusian language elements encountered in the Russian translation of the novel by Vladimir Korotkevich "Black castle Olshansky", defines the semantics of these elements and their functional yield.

УДК 82.09

Н. С. Степанова
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Российская Федерация
e-mail: ns-kursk@yandex.ru

**Феномен родного языка в автобиографической прозе
первой волны русской эмиграции**

Ключевые слова: родной язык, автобиографическая проза, первая волна русской эмиграции, И. А. Бунин, В. В. Набоков.

Статья посвящена исследованию феномена родного языка в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции, который отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти; оказывает непосредственное влияние на формирование стиля и художественных особенностей; выражает индивидуально-авторское осмысление сущности характеров и явлений.

«Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен, – писал К. Г. Паустовский. – Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношении – от кимвального пения до звона родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительно нежных». «Богатство и выразительность народного говора для Бунина, – констатировал Ю. Мальцев, – есть свидетельство талантливости самого народа. Оторванность от стихии родного языка заставляет Бунина острее почувствовать поливалентность русского слова, постигнуть его “таинственную жизнь”», «Бунин достигает небывалой языковой виртуозности» [9, 289].

«Без преувеличения, не было подобного языка до Шмелева в русской литературе, – размышлял О. Н. Михайлов. – Писатель расстилает огромные ковры, расшитые грубыми узорами сильно и смело расставленных слов, словец, словечек <...> Теперь на каждом слове – как бы позолота, Шмелев не запоминает, а реставрирует слова. Издалека, извне восстанавливает он их в новом, уже волшебном великолепии» [10, 21 – 22].

«Главное наслаждение произведений Набокова – осязать заповедный русский язык, незагазованный, не разоренный вульгаризмами, отгороженный от стихии улицы – кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего, как от вершинного воздуха, кружится голова <...> Фраза его прозы – застекленная как драгоценная пастель, чтобы с нее не осыпалась пыльца» [6], – писал А. Вознесенский, восхищаясь «упоительным языком» В. В. Набокова, магией его мастерства.

Это лишь несколько размышлений художников слова и литературоведов, решавших задачу осмысления роли родного языка в художественных произведениях писателей первой волны русской эмиграции. Особая роль «этого уникального многотысячного сообщества состояла в решении исключительной по своей важности задаче, которую поставила история перед беженцами из России. Ощущение великой миссии хранения “священного огня”, возвышенное стремление спасти и передать будущим поколениям русскую культуру, русскую литературу, русский язык» [16, 10] отчетливо осознавались и декларировались писателями-эмигрантами. 16 февраля 1924 года в Париже на вечере, посвященном миссии русской эмиграции, И. А. Бунин произнес: «Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас», «поистине мы <...> посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся» [4, 126 – 127].

Как сохранить ментальность, определиться с самоидентификацией, каждый из писателей-эмигрантов решал по-своему. В период расцвета русской литературы в эмиграции начался спор о ее смысле и судьбе, о самой возможности и нужности ее существования в отрыве от родины, от русских тем, от развивающегося русского языка. Вопрос о существовании русского писателя в эмиграции в это время решался диаметрально противоположно: от «Что же, уехал я из Белевского уезда, значит, и перестал быть русским писателем? Не воспринимаю больше все краски мира? Потерял вкус и чутье?» (И. А. Бунин) [8, 145] до безапелляционной уверенности, что «поэта в эмиграции быть не может, ибо нет почвы, среды и языка. Нет – корней» (М. Цветаева) [3, 175]. Внутреннее соотношение принадлежности России, русскому зарубежью, с одной стороны, и Франции, Бельгии, Германии, Европе, миру вообще – с другой, у каждого из писателей-эмигрантов было очень личным, подчеркнуто индивидуальным, персональным.

«Обретение себя» в условиях, когда жизнь не оставляет выбора, было неразрывно связано с осмыслением принадлежности к определенным культурным и национальным ценностям, родному языку. И. А. Бунину, И. Шмелеву, В. В. Набокову, Б. К. Зайцеву, как и другим писателям-эмигрантам, русский язык дал возможность запечатлеть, сохранить в живом слове ушедшее, преодолеть тоску эмиграции и жить в сердечном соединении со всем тем святым, великим, добрым, прекрасным и вечным, чем была в их сознании Россия. Б. К. Зайцев считал, что именно за пределами родины достиг полноценной творческой зрелости, что «годы оторванности от России оказались годами особенно тесной связи с ней в писании. За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит» [7, 590].

«Страх забыть или засорить единственное, что успел я выцарапать, довольно впрочем сильными когтями, из России, стал прямо болезнью», – писал В. В. Набоков, который, учась в Кембридже, приобрел за полкроны на книжном лотке словарь Даля в четырех томах и читал его, «по несколько страниц ежевечерне, отмечая прелестные слова и выражения» [13, т. 4, 277].

И. А. Бунин хорошо знал жизнь деревни и смог первым в русской литературе по-настоящему показать деревню и крестьянство; «в отличие от других больших наших писателей у него никогда не было комплекса отчужденности при общении с народом, он говорил с крестьянами как равный – их собственным языком», потому что «язык крестьян и их образ мысли он знал досконально и все-таки не уставал никогда изучать: им собрано и записано около одиннадцати тысяч (!) народных прибауток, частушек, поговорок, речений и т. п.» [9, 38].

Воспоминания о детстве в автобиографических произведениях («Жизнь Арсеньева», «Лето Господне», «Другие берега», «Путешествие Глеба» и др.) свидетельствуют о том, что национальной самоидентификации способствовали повседневное изучение родного языка и литературы, постоянный контакт со старшим поколением рода, прислугой и крестьянами. В. Н. Муромцева-Бунина в своей книге «Жизнь Бунина. Беседы

с памятью» написала о том, что у И. А. Бунина «с самого раннего детства <...> были друзья, сначала среди ребятишек, а потом из деревенской молодежи, с которыми он коротал много времени, бывая запросто в их избах, знал до тонкости крестьянский язык» [12, 86]. И. С. Шмелев вспоминает в «Автобиографии»: «Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова» [18, 143].

Описывая процесс творчества, художники слова показывают как сознательную напряженность своих творческих усилий, решимость идти до границы возможностей: «Сколько раз я чуть не вывихивал разума, стараясь высмотреть малейший луч личного среди безличной тьмы по оба предела жизни?» (В. В. Набоков) [13, т. 4, 136], – так и непринужденную легкость и игру, артистизм, веселость духа, «моцартианство». Р. Барт понимал писательскую деятельность и читательское восприятие как игру с языком, при которой главное – это удовольствие, получаемое от текста, ибо в искусстве «ароматная сочность» слова важнее знаний и мудрости [17, 64].

У каждого писателя была своя творческая мастерская. И если художественный язык писателей старшего поколения (И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева и др.) воспринимался современниками как совершенный и безупречный, то появление В. В. Набокова, представителя литературной молодежи эмиграции, было встречено с двойственным отношением: с одной стороны, с интересом и восхищением, а с другой – с опаской и недружелюбием, для которых были свои причины.

В творчестве В. В. Набокова отчетливо чувствовалась иная школа, иное художественное направление, которое вело в мир достижений художественной литературы XX века, поэтому в критике настойчиво зазвучал мотив «нерусскости» писателя, его разрыва с гуманистическими традициями русской литературы. В. В. Набокова считали снобом, эстетом, который «высокомерно отвергал реальность, видел в словесном искусстве главным образом блистательную и “беспользную” игру ума и воображения», а его произведения – феноменом «языка, оторванного от жизни и пытающегося колдовским усилием эту жизнь заместить» [11, 360 – 364]. Его обвиняли в бессодержательной демонстрации писательской техники, отсутствии нравственного пафоса, «отказе от всего, что связывает художника с понятием родины, государства, национальной преемственности» [11, 368].

Однако В. В. Набоков знал, что слово мстит за пренебрежение к нему, и потому писал так, «чтобы слово обыкновенное оживало, чтобы оно заимствовало у своего соседа его блеск, жар, тень, само отражаясь в нем и его тоже обновляя этим отражением, – так что вся строка – живой перелив» [13, т. 4, 53]. В этой связи хотелось бы привести два блестящих умозаключения Б. Бойда, с которыми трудно не согласиться: «Если тщательно отточенный стиль, возможно, не передает первое, что естественно приходит на ум или срывается с языка, то именно поэтому он способен выразить неизмеримо больше», «набоковский стиль столь резко выступает на первый план потому, что он глубоко переосмыслил писательское искусство и смог, благодаря этому, выразить всю оригинальность своего ума» [1, 16].

Родной язык был для В. В. Набокова языком «Аввакума, Пушкина, Толстого – или Иванова, няни, русской публицистики», «живым, ручным существом» [13, т. 4, 133]. Воспитав свой вкус на лучших образцах русской художественной литературы («Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира» [13, 277]), он создал свой собственный стиль, достигнув совершенства «в тончайших психологических наблюдениях, в изощренной игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блистательной композиции», став писателем «ослепительного литературного дарования, именно такого, которое мы зовём гениальностью» [14], как писал в 1972 году А. И. Солженицын в письме Шведской Королевской Академии с предложением присудить В. В. Набокову Нобелевскую премию по литературе.

В. В. Набоков был наделен редким даром – цветным слухом, позволявшим ему воспринимать «чуть ли не вкусовым чутьем» звук, окраску и форму буквы; признано,

что его творчество – «пример экстраординарного таланта самовыражения и рефлексии синестета, преодолевающего соблазн прямой констатации физиологических реакций и избавляющегося от узких рамок сенсуализма в искусстве» [2].

Синестезия (совместное чувство, одновременное ощущение) – явление восприятия, когда при воздействии на один орган чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств. Синестезией в искусстве слова называют, прежде всего, особые иносказания, образные выражения (тропы и стилистические фигуры), связанные с переносом значения в иную чувственную модальность.

Повышенной выразительностью в автобиографической прозе В. В. Набокова обладают синестетические описания, которые становятся знаком внесубъектного присутствия автора, формой выражения его сознания: «между тем как *s* представляется не по-голубевшим *s*, но удивительной смесью лазури и жемчуга», «иволги в зелени издают свой *золотой*, торопливый, четырехзвучный *крик*», «слышу *серебристый шелест* оголяемого шоколада», «гул *блекнул*» [13, т. 4, 338, 175, 194, 257] и т. п. (курсив наш – Н.). Синестетические описания, которые Ю. Мальцев характеризовал как выражение «экстравагантности бунинского языка», которая всегда служила «большей экспрессии описания», находим и в текстах И. А. Бунина: «*мутно усмехнулся*», «петух сильно и *выпукло* захлопал крыльями», «сена душная истома струила *сладкий аромат*», «и *металлически страшно*, в дикой печали, *гуси* из мрака *кричали*», «ночь темна <...> цветы качаются *слепые*», «светлая ночь, все *звончающая* над мертвой белой окрестностью», «густо валил *дремотными* хлопьями снег» и др. [9, 138] (курсив наш – Н. С.).

В ходе своих нравственно-философских поисков выдающиеся писатели первой волны русской эмиграции пришли к убеждению, что слово является способом материализации всего сущностного, к уяснению непреложной истины «В начале было Слово и Слово было Бог»; к пониманию слова как единственной непреходящей ценности. Высокая ответственность за написанное, осознание себя в качестве создателя, творящего новый, иной мир привело их к осознанию упорядочивающей роли русского художественного слова в оппозиции *хаос – космос*.

Не зная точно, вернутся ли они когда-нибудь в Россию («хотя этого как будто требует музыкальное разрешение жизни» – В. В. Набоков), писатели-эмигранты сделали все для того, чтобы однажды «не просто возвратиться на родину, к русскому читателю, а быть осознанными как необходимая часть, необходимое звено русской культуры и русской литературы» [15, 106].

Феноменальное, непревзойденное владение родным языком, знание профессиональных тонкостей в области художественной литературы и постоянное освоение приемов мастерства, начитанность как способность держать в актуальной памяти огромный корпус текстов и устанавливать интертекстуальные и металитературные связи, подвижническое служение родному языку и культуре позволили им создать высокохудожественные произведения, востребованные духовной ситуацией настоящего времени.

Литература

1. Бойд, Б. Владимир Набоков: русские годы : биография / Б. Бойд. – М. : Независимая Газета; СПб. : Симпозиум, 2001. – 695 с.
2. Бойд, Б. Голубянки Набокова и его шнурково-потертый коричневый и древесно-обветренный черный : предисловие к книге, Д. Холабёрд «Владимир Набоков: Алфавит в Цвете» [Электронный ресурс] / Б. Бойд. – Режим доступа : <http://www.synaesthesia.ru/boyd.html>. – Дата доступа : 08.01.2019.
3. Броуде, И. Ностальгия. Первая русская эмиграция / И. Броуде // Новый журнал, Нью-Йорк, 1989. – Кн. 177. – 170 – 198.
4. Бунин, И. Миссия русской эмиграции: Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г. / И. Бунин // Бунин, И. Великий дурман : неизвест. страницы. – М. : Совершенно секретно, 1997. – С. 126 – 138.
5. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 4 т. / И. А. Бунин. – М. : Правда, 1988. – 4 т.
6. Вознесенский, А. Видеоомы : Набоков [Электронный ресурс] / А. Вознесенский. – Режим доступа : <http://voznosolog.ru/videom/nabokov.htm>. – Дата доступа : 08.01.2019.

7. Зайцев, Б. Собрание сочинений : в 5 т / Б. Зайцев. – М. : Русская книга, 1999. – Т. 4 : О себе. – С. 587 – 592.
8. Лавров, В. В. Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции 1920 – 1953 гг. : роман-хроника / В. В. Лавров. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 384 с.
9. Мальцев, Ю. Бунин: 1870 – 1953 / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне; М. : Посев, 1994. – 432 с.
10. Михайлов, О. Н. Иван Шмелев : вступ. ст. / О. Н. Михайлов // Шмелев, И. С. Избранное / О. Н. Михайлов. – М. : Мол. гвардия, 1991. – С. 3 – 16.
11. Михайлов, О. Н. Литература русского зарубежья / О. Н. Михайлов. – М. : Просвещение, 1995. – 432 с.
12. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М. : Советский писатель, 1989. – 512 с.
13. Набоков, В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – 4 т.
14. Письмо, А. Солженицына Шведской Королевской Академии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pergam-club.ru/book/6394>. – Дата доступа : 08.01.2019.
15. Степанова, Н. С. Литература как форма инобытия творческой личности: к постановке вопроса (на материале автобиографической прозы первой волны русской эмиграции) / Н. С. Степанова // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – Серия «Лингвистика и педагогика». – № 3 (20). – С. 103 – 110.
16. Степанова, Н. С. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX – первой половины XX века : монография / Н. С. Степанова, Н. З. Коковина, Е. А. Самофалова. – Курск : ООО «Учитель», 2012. – 246 с.
17. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.
18. Шмелев, И. С. Автобиография / И. С. Шмелев // Русская литература / И. С. Шмелев. – 1973. – № 4. – С. 141 – 146.
19. Шмелев, И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев // Избранное / И. С. Шмелев. – М. : Правда, 1989. – С. 283 – 670.

N. S. Stepanova
Southwest State University, Russian Federation
e-mail: ns-kursk@yandex.ru

The phenomenon of the native language in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration

Key words: native language, autobiographical prose, the first wave of Russian emigration, I. A. Bunin, V. V. Nabokov.

The article is devoted to research of the phenomenon of the native language in the autobiographical prose of the first wave of Russian emigration, which reflects the universal artistic experience, recorded in the cultural memory; which has a direct impact on the formation of style and artistic features and expresses the individual author's understanding of the nature of characters and phenomena.

УДК 81-26

Н. А. Туранина
Белгородский государственный институт искусств и культуры
e-mail: idb@bgiik.ru

Метафорическая репрезентация образа природы в женской поэзии начала XX века (лингвоэстетический аспект)

Ключевые слова: образ природы, художественный текст, метафоризация, репрезентация, женская поэзия.

В статье представлен анализ художественных текстов поэтесс Серебряного века и особенности метафоризации одной из уникальных сфер – живой природы. Лексико-семантическая репрезентация метафорических образов в поэтических текстах А. Герцык, З. Гиппиус, Е. Дмитриевой, С. Парнок, М. Цветаевой позволила выявить особое видение модели мира в контексте природы.